

Денис Смирнов

DEADтвора

Психологическая драма

ЖЕКА

ГЕНКА

ЛЕХА

ЖЕКА: ...в окно не высовывайтесь! Даже не смотрите – сразу засекут. Они по окнам шарят. Тут только пара домов в округе, а дальше – парк. Туда нельзя. В подъезд зря не сунутся. На растяжку можно нарваться. А если хоть тень заметят, «зажигалками» забросают. Сам высунешься, как миленький. Тут тебя и добьют.

Вы не смотрите, что штаны поддерживаю. Я ремень-то там оставил (Машет рукой в сторону окна). Пацан на асфальте лежал. Кровь у него из ноги фонтаном хлестала. Я ногу ему стянул, она вроде остановилась... Слышу хрипит, тихо так: спасибо, друг. А я даже не знаю, с какой он стороны. Может, свой. Там толкотня была, не разберешь. Короче, пропал ремень. А хороший был, кожаный...

С крыши начали палить, мы с братом в арку нырнули. Кто за нами бежал, тех накрыло. В арке дверь была в подвал. Ее всегда закрытой держали, чтобы бомжи не лезли. А ключ тут же прятали, за кирпичами. Кто знал, всегда пользовался. Мы оба знали. Я думал, там спрячемся, а ключа нет. Чужой кто-то взял, не иначе. Мы выскочили из арки и бегом в дом, который под снос определили.

В подъезде стоим, брат шепчет: здесь отсидимся. Как утихнет - выйдем. А я ему: уходить надо – видел кто-нибудь. Давай, говорю, пошел!.. Он всегда меня слушался. Потому, что младше меня на пять минут.

Я толкаю его в сторону квартир. Одна дверь не заколочена. Брата оставляю в прихожей. Сам подбираю какую-то железку и по окну в комнате - хрясь! Пусть думают, мы к парку метнулись. К брату вернулся, выглядываю на лестничную площадку – тихо. Дверь оставляем открытой, и даем деру на последний этаж. Там тоже не заколоченные квартиры. Заходим в одну, я еще раз прислушиваюсь – тихо. Закрываю дверь на замок, прижимаюсь спиной к холодной стене и сползаю на пол. Только теперь слышу как бешено бьется сердце.

ГЕНКА Жека, ты что, ранен?

ЖЕКА: Дурак что ли?

ГЕНКА: Точно?

ЖЕКА: Уйди, Генка.

ГЕНКА: Дай посмотрю.

ЖЕКА: Ну, чего пристал?

ГЕНКА: Тогда я в комнатах гляну, ага?

ЖЕКА: Сядь, посиди.

ГЕНКА: Не хочу.

ЖЕКА: К окнам не лезь.

ГЕНКА: Не учи ученого.

ЖЕКА: Генка уходит, и некоторое время я слышу только его шаги.

ГЕНКА: Жека, прикинь... Я тут постель нашел. Мелки такие. Коробка целая... А нет, два только. Карандаши какие-то.

ЖЕКА: Слышится, как на пол падают карандаши... Тихо ты, говорю, не шуми!.. Начинаю нервничать. В тишине каждый звук словно выстрел.

ГЕНКА: Художник видать жил. А так ничего интересного... Пара фотографий на стенах. Мужик какой-то с теткой, девка на коленях. А тут они старые... Ого! Жека, а Жека...

ЖЕКА: Чего тебе?

ГЕНКА: Глянь, что нашел?

ЖЕКА: Как ребенок, честное слово... Резко наступает тишина. Я прислушиваюсь к звукам из комнаты и пытаюсь догадаться, что там происходит. Брат, похоже, делает тоже самое.

ГЕНКА: Что, совсем не интересно? Да ни в жизнь не поверю. Иди, говорю.

ЖЕКА: Сам иди.

ГЕНКА: Ну, как знаешь. Одному больше достанется.

ЖЕКА: Не вытерпев, спрашиваю: что там у тебя?

ГЕНКА: Ага!

ЖЕКА Генка...

ГЕНКА: Ага!

ЖЕКА: Ну, ладно, колись.

ЖЕКА: Он выглядывает из комнаты и машет перед собой каким-то мешочком

ГЕНКА: Прикинь, табак! Кто-то для нас оставил...

ЖЕКА: Здесь не кури. Дым учуют – кранты.

ГЕНКА: Все равно спичек нет. Домой возьму.

ЖЕКА: Он исчезает в другой комнате. Снова доносятся его шаги. Потом все смолкает. Опять нашел что-то. Сейчас позовет, и я пойду, потому что тоже интересно. Хотя ощущение какое-то странное. Нехорошее. Но я отогнал мысли. Дом старый, никто уже не живет. Сносить хотели еще летом, да тут бабки разные поднялись, мужики, народ, короче, из ближайших домов и не дали. Мол, дома рядом стоят, опасно сносить-то... А когда сам рухнет? Ведь рухнет, явно. Кто виноват будет?..

Тишина. Из комнаты ни звука. Я снова прислушиваюсь. Чем он там занят? А если...? Бросаюсь в комнату. Так и есть: Генка, дурак, стоит у окна и смотрит вниз.

ЖЕКА: Ты что творишь? Уйди от окна.

ГЕНКА: Бежит кто-то.

ЖЕКА: Отойди, кому говорю?

ГЕНКА: Бежит, слышишь?.. Пацан какой-то. Из арки вынырнул – и к нам. Упал. Все... Снайпер. Нет, встал. Смотри. Бежит, бежит. Петлять начал... Куда ты? Прячься, дурак, прячься!

ЖЕКА: Я с силой отдергиваю его от окна, и мы падаем на пол. Но он снова вскакивает на ноги... Уберись от окна, кричу!

ГЕНКА: Да перестань ты.

ЖЕКА: Пулю схлопочешь.

ГЕНКА: Там наши, я видел. В своего не будут.

ЖЕКА: Генка, дурак! Мы же близнецы... Генка отшатывается от окна и сползает по стене на пол.

ГЕНКА: Две пули сразу. Две. От своих и чужих. И те, и те подумают, что враг... Мы так похожи, Жека. Даже одеты одинаково. Зачем? Это же глупо...

ЖЕКА: Генка быстро срывает с себя рубаху и швыряет в угол, оставшись в одной майке. Смотрит на меня. В глазах полная растерянность... Отсидеться надо. Понял? Потом каждый пойдет в свою сторону... Я говорю монотонно, пытаюсь его убедить.

ГЕНКА: Мы не можем сидеть вечно.

ЖЕКА: Можем и будем. Пока все не утихнет. Мы должны выиграть время...

ГЕНКА: Да, главное – выиграть время.

ЖЕКА: Он всегда со мной соглашается. Это нормально. Он мне доверяет. Потому что я старше. Я подползаю к окну и осторожно выглядываю на улицу. Бегло осматриваю крышу соседнего дома, пробегаюсь по окнам. Внизу предательски тихо. Того парня нигде нет. Наверное, нырнул в подъезд. Не вовремя он появился. Если его ищут, значит, найдут и нас.

ГЕНКА: Жека, я так больше не хочу. Так нельзя. Это абсурд! Я не могу быть против тебя.

ЖЕКА: Так жребий пал.

ГЕНКА: Если можешь, пристрели меня сам, слышишь?.. Прямо сейчас, здесь. Твои только спасибо скажут.

ЖЕКА: Ты че, головой стукнулся?

ГЕНКА: Пристрели. Прошу тебя... Только матери не проговорись.

ЖЕКА: Успокойся, все обойдется.

ГЕНКА: Все только началось. Ты разве еще не понял?

ЖЕКА: Генка хватает меня за руку, отгаскивает от окна и усаживает на пол.

ГЕНКА: Это война, брат! Понимаешь, война! Брат на брата!.. Переметнись на нашу сторону. Обоим легче будет.

ЖЕКА: Че?

ГЕНКА: Да ладно тебе, ты же слышал...

ЖЕКА: А ты бы метнулся?

ГЕНКА: Брось. Ты только скажи, я найду нужные слова. Мои поймут, они ж не звери. Ты не предатель. Так пал жребий.

ЖЕКА: Поздно уже... Я для них враг. Ты для моих – тоже. Поймают, будут пытаться. Не хочу, чтобы тебя пытали...

ГЕНКА: Значит, и мне ты враг?.. Значит, можешь нож в спину?.. Значит, и я могу? Но ты брат... Вот друг – это иначе. Я за друга любому глотку... Но если он предал, значит, он враг. Раз предал. Друг бы не предал... А ты мне брат! Ты можешь предать?.. Теоретически все могут. И ты, наверное, тоже. Мы уже с тобой по разные стороны. Но ты останешься братом, даже если предашь. Даже если нож к горлу, я попрошу: не порежься... Мы как две капли воды, как отражение. Если я выстрелю в брата, не убью ли себя?.. Это бред, бред, бред, бред, бред!.. Мама, мама, мамочка, где ты? Помоги, я запутался. Так не должно быть...

ЖЕКА: Генка, ты че?.. Генка садится на пол, обхватывает голову руками и раскачивается из стороны в сторону. Потом его плечи начинают трястись, и он заливается беззвучным, безудержным смехом. На мгновение мне становится жутко. Я тянусь за «стволом».

ЖЕКА: Ген, прекращай.

ГЕНКА: А прикинь... Прикинь, мы местами поменяемся? Как электроники...

ЖЕКА: Зачем?

ГЕНКА: Никто же не поймет. Здорово, правда? Мы такое устроим. Твои будут думать, что я – это ты. Главное – не заржать. А я обязательно заржу. Они же на полном серьезе...

ЖЕКА: Ты хочешь предать своих?

ГЕНКА: Нет. Я подумал, ты согласишься.

ЖЕКА: Соглашусь на что?.. Генка медленно встает с пола, не сводя глаз с моей руки, которая спрятана за спиной, и начинает пятиться к двери.

ЖЕКА: Ты куда?

ГЕНКА: А ты?

ЖЕКА: Я здесь сижу.

ГЕНКА: И я здесь.

ЖЕКА: А ну-ка, стой!

ГЕНКА: Зачем?

ЖЕКА: Ну, стой, говорю. Не спеши... Я выдергиваю из-за пояса «ствол», думая, что опережу Генку, но он успевает выхватить свой и прыгнуть в угол. Раздается треск стекла. Я знаю, ему больно. Осколки впились в руку. Но он упрямо держит меня на мушке.

ГЕНКА: Ну, че, братишка, не вышло?

ЖЕКА: Долго учился?.. Генка мерзко ухмыляется. Никогда не замечал за ним такое.

ГЕНКА: Экспромт.

ЖЕКА: У тебя кровь!

ГЕНКА: Тебе-то че? Бросай пистоль.

ЖЕКА: Покажи пример. Давай, только медленно.

ГЕНКА: Черта с два! А клево я фишку просек? Че думал, не вижу, как ты за вольной потянулся?

ЖЕКА: Да я б давно тебе пулю всадил.

ГЕНКА: Пожалел, небось? А?

ЖЕКА: Генка противно смеется, глядя мне в глаза. И я впервые его ненавижу.

ГЕНКА: Ну, так стреляй сейчас. Че вылупился?

ЖЕКА: Не ори – услышат.

ГЕНКА: Да плевать! (Кричит) Эй, есть кто-нибудь? Все сюда? Эй! Пацаны, я здесь.

ЖЕКА: Закрой рот, придурок! Или я его сейчас захопну.

ГЕНКА: Ну, давай, шмаляй. Че ты ждешь?.. Трус, смотри, как надо!

ЖЕКА: Генка вставляет «ствол» себе в рот. Я вскакиваю на ноги, чтобы опередить его, зная, что все равно не успею. А «ствол» уже направлен на меня. Генка снова противно смеется.

ГЕНКА: Че, купился? Чистеньким хочешь остаться? Нет, брат, так не пойдет. Давай, чтоб не обидно... По счету три. Как на дуэли. Кто умер, тот проиграл.

ЖЕКА: Языком ты мастер молоть.

ГЕНКА: Раз.

ЖЕКА: Не смей меня.

ГЕНКА: Два.

ЖЕКА: Смотри, пожалеешь.

ГЕНКА: Три...

ЖЕКА: Но выстрела не последовало. Секунды тянулись, словно вязкая масса. Пот противными струйками стекал со лба. Мы сидели друг от друга всего в нескольких метрах, но это расстояние увеличивалось на глазах...

ЖЕКА: У тебя рука затекла.

ГЕНКА: Пофигу.

ЖЕКА: Поменяй. Я не выстрелю.

ГЕНКА: Так я тебе и поверил.

ЖЕКА: С улицы доносятся голоса. Мы оба замираем. Сердце начинает колотиться в бешеном ритме. Они ищут нас... Нет, похоже, того парня. Переговариваются с кем-то по радиации... Его видели в этом дворе, кто-то крикнул им из окна. Вот скоты!.. Они решили обыскать подьезды. Сейчас могут нагрянуть и к нам... А если эти люди с Генкиной стороны? Если он узнал их голоса? Стоит только подать знак... Там, на проспекте, опасность была общей. Здесь, каждый сам за себя... Генка ловит мой взгляд и, похоже, догадывается о чем я думаю. Он опять мерзко ухмыляется.

К мужским голосам присоединяется женский. Везде девок сунет. Обнаружила квартиру с выбитым окном. Я мысленно радуюсь, что запутал следы. Значит, здесь они искать не будут... Голоса быстро удаляются. Не делая резких движений, я вытираю пот со лба. Генка это видит и тоже осторожно трет рукой глаз.

ГЕНКА: Ну, че, брат, кажись, пронесло?.. Я уж подумал, твои.

ЖЕКА: Были б мои, ты бы первым узнал. Это кто-то со стороны. Не по правилам играют.

ГЕНКА: Сдал бы меня?.. Че молчишь? Сдал бы?.. Тебе ж только окно высадить. Сразу бы прискакали.

ЖЕКА: А ты бы сдал? Если твой?..

ГЕНКА: Не знаю.

ЖЕКА: Вот и я не знаю. Отвянь!.. С улицы доносится еще один женский голос. Женщина зовет кого-то по имени. Наверное, того пацана. Может, мать?.. Опять тот же голос из окна: мол, видел его. Кому-то неймется.

ГЕНКА: (шепотом) Я устал...

ЖЕКА: Че ты опять устал?

ГЕНКА: К черту все. Стреляй, если хочешь.

ЖЕКА: Генка швыряет на пол свой «ствол» и закрывает лицо руками. Молча смотрю на него. Что стоит нажать сейчас на курок, а потом пойти вместо него? Все равно никто не узнает... «Он враг! Враг! Враг!», - монотонно твержу себе и заставляю поверить в это. Он может предать меня. И тогда будут жуткие пытки. Я боюсь пыток. Самая страшная пытка, знать, что тебя предал брат... Как же хочется спать. Я опускаю затекшую руку и отбрасываю «ствол» в сторону. Закрываю глаза. Будь что будет. Плевать...

Слышите?.. Нет-нет, только не открывайте глаза! Прислушайтесь. Дождь пошел. Крупный такой. По карнизу барабанит. Значит, скоро кончится. Брат у меня любит дождь. Вот именно такой. Когда зонт ни к чему. Когда можно промокнуть до нитки, но никто не посмотрит косо. Потому что все уже мокрые. Он всегда так говорит. И радуется как дурак. А я только улыбаюсь. Я его на пять минут старше.

Открываю глаза. Угол, в котором он сидел, пуст. Наших «стволов» нет. Хороший выбор: оставить меня здесь одного. Рука видать не поднялась. Хотя мог. А если он пошел за кем-нибудь из своих? Чтобы чужими руками... Бежать! Бежать отсюда. Только бы спуститься до второго этажа. Там, кажется, была дверь... Вспоминай, вспоминай. Мы поднимались по ступенькам, и на площадке справа... Нет, вниз нельзя. Неизвестно, когда он смылся... Уходить надо через чердак. Там темно. Только бы успеть... Ну, пошел, пошел! Я срываюсь с места и выбегаю в коридор. По пути замечаю брата, стоящего у стены в другой комнате.

ГЕНКА: Ты так крепко уснул, я не хотел тебя будить. Был такой сильный дождь...

ЖЕКА: Я бегло оглядываю комнату. На старом письменном столе лежит мой «ствол»... Брат словно понял, о чем я думаю.

ГЕНКА: Забрал... Вдруг пришлось бы отстреливаться. В моем нет патронов. Если честно, я думал, ты меня пристрелишь. Надоело бояться, понимаешь? Не люблю ждать, что вот-вот тебя найдут. Холодок такой противный по спине... Когда ты убит, до тебя уже никому дела нет. Ты свободен, делай, что хочешь... Я даже специально тебя злил. Прости, так получилось.

ЖЕКА: Генка провел ладонью по голой стене. Потом взял черный мелок и сделал пробный штрих.

ГЕНКА: Жека, посиди здесь.

ЖЕКА: Я уселся на стол возле окна, чтобы видеть дверной проем. Он рисовал черной пастелью на вышарканной стене. Я молча наблюдал за его руками. Из-под его пальцев появлялись замысловатые линии. Линии превращались в многоэтажки, словно от ветра склонившиеся набок. Закусив губу, будто от боли, он выводил пустые окна домов, подъезды, с заколоченными наспех дверями, слепые чердаки без стекол, изогнутые дугой антенны. По залитым дождем улицам бежали и падали люди. Ветер гнал их прочь. И только деревья стояли не шелохнувшись – их это не касалось...

Я так не умел. Природа не успела наделить меня чем-то. Моргнула, наверное, когда я появился на свет. Поэтому Генке перепало за двоих. Но я ему не завидовал. Если только немного. Совсем чуть-чуть. Он брат. Я его на пять минут старше.

ГЕНКА: Жека, будешь?..

ЖЕКА: Не поворачиваясь, он протягивает мне самокрутку из старой газеты. Я молча мотаю головой.

ГЕНКА: Как знаешь. Газета, правда, не первой свежести...

ЖЕКА: А спички?.. Генка достает из кармана коробок спичек.

ГЕНКА: Тебе тоже плевать, что увидят?.. Пусть припрутся. Тут мы их и положим. Нас теперь двое.

ЖЕКА: Где взял?

ГЕНКА: Только ты не ругайся, ладно?.. Мужики в соседнем доме всегда у подъезда курят, а спички под козырьком прячут. Я на улицу бегал, пока дождь шел. Никто не видел...

ЖЕКА: Тебя, дурака, подстрелить могли... Он меня не слушает...

ГЕНКА: Жека, а ты пробовал уже?.. Ну, в смысле, курить. Сигареты там, табак... Я просто еще ни разу.

ЖЕКА: Пробовал... Так себе.

ГЕНКА: Я попробую? Разок только. Ты как?.. Если скажешь – не буду.

ЖЕКА: Давай, затянись!

ГЕНКА: Правда? Я тогда раскуриваю?

ЖЕКА: Трясущимися руками Генка вставляет самокрутку в рот, подносит зажженную спичку и делает первый в жизни затяг. Краснеет и давится от кашля. Мне становится немного смешно, глядя на его разочарованное лицо. Тоже когда-то так пробовал. Но Генка упрямо затягивается еще раз. Мало ему... Снова кашель, и лицо принимает синий отлив. Я стучу его по спине. У него видимо кружится голова, и он хватается меня за руку. Комната наполняется удушливым запахом. Я разворачиваю его недокуренную самокрутку.

ГЕНКА: Жека, меня сейчас вытошнит. Это нормально? Так всегда курят?

ЖЕКА: Да, если курят укроп.

ГЕНКА: Укроп? Почему укроп?

ЖЕКА: Глупый ты, Генка. Оставят тут табак. Держи карман шире. Ты бы еще петрушку завернул... Мы оба смеемся и решаем никому не рассказывать об этом.

В коридоре раздаются шаги... Мы замираем. Под чужими ногами противно скрипят половицы. Кто-то осторожно направляется к нам. Генка забыл закрыть дверь!.. Мы вжимаемся друг в друга, и я непроизвольно загораживаю его собой. Наплевать, с чьей они стороны. Сейчас есть только брат и я. Шаги замерли. Кто-то знает, что мы здесь. Вот и все...

В комнату влетает теннисный мяч. «Это граната! Ба-бах, вы все убиты!» - раздается из коридора радостный голос Лехи.

ГЕНКА: Леха, дурак, так не честно! Мы без гранат играем.

ЖЕКА: В дверном проеме сначала появляется довольная Лехина физиономия, а затем и весь Леха. Футболка и шорты на нем напрочь уляпаны краской.

ЛЕХА: Блин, пацаны! Вы чего тут делаете? Мы вас всем двором ищем. Куда, думаем, делись? А они тут зашкерились... Это я виноват. Пацанов по ложному следу пустил. Показалось, что через забор в детский сад ломанулись. Вот дураки, правда?.. Ну, чего молчите?.. А мы, главное, играть начали, старшаки из другого двора подвалили. Мы, мол, с вами хотим. Ну, играйте, только, чур, по нашим правилам. Согласны? Согласны. У нас все четко: команды, явки, пароли, флаги над штабами – да сами в курсе, чего рассказываю. А им,

видать, скучно стало. Ружья для пейнтбола притащили, повязки наши нацепили, и давай стрелять: сначала по одним, потом - по другим. Чуть до драки не дошло: Ваське мать только новую футболку купила, а ему краской вlepили. Он, не разбираясь, на синих налетел: мол, вы че, козлы, делаете? Ладно вовремя смекнули. Попросили старшаков выйти из игры. Они тогда по всем палить стали. Мы в рассыпную. А они еще ржут, пива налакались... Кто-то из наших предложил родителей позвать, потом решили: самим надо справиться. Не маленькие уже. А че ты им сделаешь? Они же здоровые такие. По ушам надают... Мы тогда просто объединились, прикиньте. Две команды. Встали и пошли на них. Прямо на дула ружей. Блин, говорю, а самому страшно становится. А тогда не было, тогда все как один шли. Пацаны мелкие с пистиками прут на взрослых дядек, которые уже, наверное, с девчонками целовались. В нас шарики с краской летят, разрываются – больно так. Слезы текут, а мы дальше идем. А потом кто-то как заорет «Ура!» - и все побежали: малышня, пятиклашки... Блин, пацаны, вы такое пропустили. Мы их прогнали, короче. Они к нам вообще больше не сунутся. Мне даже трофеем достался. Во, гляньте.

ЖЕКА: Леха поднял над головой ружье для пейнтбола. В этот момент он был настоящим героем. Я ему даже позавидовал. Даже очень. Наверное, Генка тоже.

ЛЕХА: Шариков только нет. Но это не проблема. Купим, правда?.. Ну, чего, молчите, братцы? Вы что тут делали? Курили? Почему дымом несет?

ГЕНКА: С улицы это.

ЛЕХА: Ладно, идемте, вас мамка уже обыскалась. Завтра, короче, снова играть будем. Только за одну команду. Врагов не будет. Мы их выдумаем.

ЖЕКА: Мы спустились во двор. Молча дошли до арки, вышли на проспект. Солнце уже клонилось к закату. Легкий ветерок приятно обдувал лицо после пыльного помещения. Тогда я впервые задумался: как все-таки хорошо, что еще детство, что все происходящее с тобой не всерьез. Дома тебя ждет мама, а ты идешь с братом и знаешь, чтобы не случилось, он всегда появится в нужный момент, хоть и родился на пять минут позже.

ЗАНАВЕС

Смирнов Денис Владимирович
драматург, писатель, член Союза писателей России
Россия, г. Киров (Вятка)
e-mail: denis.smirnov@mail.ru